

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОССИИ И РЕВОЛЮЦИИ¹⁾

Есть темы, от которых нельзя освободиться. Как при личном несчастье постоянно мысленно возвращаешься к продумыванию обстановки, при которой оно случилось, докучно стараешься установить, когда произошел решительный перелом, когда было сказано невозвратное слово, когда был сделан непоправимый шаг, переведший человека из царства свободы в царство желѣзной необходимости, и завертѣлись зубчатые колеса причинности и тулой послѣдовательности, так с жадностью в изгнании берешь всякую книгу, обсуждающую исторію русской революціи. И книга Г. Федотова не разочаровывает.

Поколѣніе, выросшее в Россіи и с нею кровно связанное, до сих пор даже и мысленно с трудом осваивается с фактом, что рухнул тот дом, в котором оно выросло, что новые люди, не знающие старой Россіи, которым не объяснить ея невыразимаго словами обаянія, и для которых старая Россія является, если не в фальшивом, то во всяком случаѣ не полном образѣ «старого режима», теперь обращаются в господствующій слой русскаго населенія; и недалеко время, когда из современников старого режима не останется никого, и образ старой Россіи будет примѣрно соответствовать образу, который был у нашего поколѣнія о старорежимной Франціи.

Г. Федотов еще полон воспоминаніями о «старом режимѣ» и для него образ старой Россіи живой, а не книжный образ.

Но с другой стороны он не относится и к тому болѣе старому поколѣнію, которое выдвинуло своих представителей в активных дѣятелей революціонной схватки и в своих мемуарах и «исторіях» занимается болѣе самооправданіем, чѣм выясненіем. Вѣдь, даже и профессиональные историки не стыдятся превращать исторію революціи в панегирик собственной прозорливости и дальновидности. «Вот, если бы нас послушали, тогда...». Нужно ли говорить, как неубѣдительно и жалко звучат теперь эти самовосхваленія.

Г. Федотов свободен от этих ошибок. Как историк, говорит он о прошлом Россіи, как политик, о ея будущем. Революцію он хочет понять как неизбѣжное звено в исторіи Россіи — с необходимыми для историка ограниченіями понятія неизбѣжнаго. Как политик, он не занят выдумываніем самой лучшей, самой безупречной формы существованія будущей Россіи, но с тревогой и любовью хочет прозрѣть ея будущія конкретныя черты, четко выдѣляя тѣ положенія, которыя в будущей Россіи можно осуществить и за которыя можно бороться.

Эта насыщенность конкретным содержаніем составляет главное преимущество книги, в которой историк преобладает над политиком.

1) Г. П. Федотов. И есть и будет. Париж 1932. Изд. «Новый Град».

Первую часть книги Г. Федотов посвящает разбору вопроса о подготовкѣ революціи в императорскій період русской исторіи. В рядѣ блестящих этюдов вскрывает он внутренніи противорѣчія и органическія болѣзни отдѣльных слоев населенія императорской Россіи. Тонкое чутье историка дает ему возможность подмѣтить цѣлый ряд новых характерных черт неустройства и разложенія. В частности особенно блестящ этюд о «новой демократіи», поставившей большевистскому правительству его интеллигентскіе кадры. Кто замѣтил до Федотова¹⁾ этот широкій слой «экстернов», имѣвшій свои вечернія «гимназіи», свой «университет», свой журнал и питавшій неукротимую ненависть к подлинной наукѣ и культурѣ? И кто теперь, читая творенія новых академиков, не вспомнит об этих экстернах? Этот этюд об эстернах является замѣчательным произведеніем подлиннаго историческаго видѣнія.

На счет этого же правильнаго чутья историка надо отнести и четкость линий в изображеніи хода революціи. Для Федотова Февраль не отдѣлим от Октября и, что еще болѣе существенно, революція не есть возстаніе народа, устранившаго ненавистный царскій режим и взявшаго, наконец, рѣшеніе судеб в свои руки, но обвал, катастрофа, разрушеніе стараго зданія, под которым не таилось и не могло таиться никакого новаго.

Для пониманія революціи это наиболѣе существенный момент. Въдь, еще и теперь есть много поклонников революціи на разных ступенях ее развитія. Для многих Февраль хорош, но не хорош Октябрь. А вот для Троцкаго хорош Октябрь, но не хороша его высылка в Константинополь. Это один из немногих случаев, когда дѣйствительно «бытіе опредѣляет сознаніе».

А между тѣм, въдь, всякому должно быть ясно, что революція, и грубо конкретно и глубоко теоретически, есть паденіе политической организациі, не имѣющей и не оставляющей преемников. Нельзя себѣ представлять, что гниеніе стараго режима затрагивало только поверхностную оболочку, не задѣвая внутренняго ядра. И большая заслуга Федотова в том, что он выясняет этот вопрос четко и опредѣленно.

Обвал опредѣляет и то, что революція несет с собою и страшное паденіе культурнаго уровня во всѣх сторѣнах историческаго бытія. Но не только паденіе. Революція, по мнѣнію Федотова, освобождает цѣлый ряд новых сил и возможностей, она не только разрушает, но и создает: новых грубоватых, но крѣпких людей. В параллель характеристики старорежимнаго общества Федотов дает и ряд характеристик общества новаго, зарожденнаго НЭП-ом. Свой послѣдній отдѣл он посвящает «проблемам будущей Россіи». Это са-

1) К. И. Чуковскій. Примѣчаніе редакціи.

мая своеобразная и смѣлая часть книги. Он говорит в ней о том, что нужно будет дѣлать в Россіи на слѣдующій день послѣ паденія большевиков.

При этом в особую заслугу автора надо поставить то, что при полном непримиренствѣ, он и к противнику стремится отнестись справедливо. Не террором — или, вѣрнѣе, не только террором — держится, по его мнѣнію, совѣтская власть, но воодушевленіем и самопожертвованіем.

Направленная на будущее, книга хочет примирить читателя с неизбежностью случившейся катастрофы и призвать вѣрных сынов Россіи, посящих ея живой образ, спасти то, что можно и должно спасти.

Таковы основныя черты этой выдающейся книги. Переходя к ея критикѣ, нельзя не отмѣтить нѣкоторой ея двойственности. Соединеніе историка и политика — естественно. Всякій политик, если он не хочет оставаться политиканом, должен быть историком, должен знать и цѣнить историческій образ и видѣть историческія возможности своей страны. С другой стороны, и историк не может не быть политиком; он должен умѣть отличать доброе от злого. Нѣтъ ничего несправедливѣе пушкинских слов о лѣтописцѣ. Ни один лѣтописец не «снял равнодушно злу» и не должен был быть к нему равнодушен. Тѣм паче историк. Классическія слова Тацита о «безгнѣвной исторіи» — которых, кстати сказать, он и сам не придерживался — если и имѣют какой-нибудь юридическій титул на существованіе, то только титул давности. Нельзя без гнѣва смотрѣть на расточеніе народных сил, на мерзости и преступления, на то, что великія задачи находят мелких людей для своих рѣшеній. И большія историческія книги были всегда и книгами «великаго гнѣва». И если политик должен взять у историка пониманіе, то историк берет у политика страсть и гнѣв. С этой стороны нельзя упрекнуть Федотова.

Нельзя его упрекнуть и в том, что он политику в значительной части подчиняет исторію. Можно и должно ненавидѣть большевиков, но выбросить их из русской исторіи уже больше нельзя. Мало того, только та политика имѣет шансы на успѣх, которая понимает смысл свершившагося в Россіи. Утверждать теперь, что большевики это печальное недоразумѣніе, тяжелый сон, от котораго завтра можно будет проснуться — значит закрывать глаза на дѣйствительность и жить «в царствѣ тѣней эмиграціи».

Внутреннее противорѣчіе книги Федотова лежит в другой области: в сжатой формулировкѣ, оно заключается в том, что он слишком пессимистично оцѣнивает исторію Россію и слишком оптимистично ея будущее.

В первой исторической части Федотов, как кажется, совершает двѣ основныя шибки: первая, часто встрѣчающаяся и вообще у историков, заключается в том, что в его круг наблюденія входит преиму-

щественно провинціальная Россія. Русскую провинцію он описывает блестяще, но, как кажется, забывает, что это только провинція. Для характеристики центров понадобилось бы и другія линіи и другія краски. И как для геолога важен не только внутрѣнный анализ тѣх или иных пород, но и то мѣсто, которое эти породы занимают в общем профилѣ, так и историк не может сдѣлать болѣе гибельной ошибки, чѣм смѣшать периферію с центром и строить общія характеристики преимущественно на основаніи периферійнаго матеріала. Вторая ошибка тѣсно связана с первой. Она заключается в том, что Федотов доказывает больше, чѣм он должен был бы доказать, и этим вызывает читателя на протест. Желая доказать неотвратимость большевистской революціи, он до того стучает краски, что у читателя невольно возникает вопрос не о том, была ли большевистская революція неизбежна, а о том, как Россія вообще могла существовать при таком населеніи и при таких внутрѣнных противорѣчях. Возникает вопрос, почему революція не случилась гораздо раньше.

Разоохотившись на критику, нельзя пройти мимо и самого уязвимаго в книгѣ мѣста — послѣсловія ко второй его части. Дѣло в том, что книга писалась под впечатлѣніем эпохи НЭП-а. НЭП, по мнѣнію автора, должен был закончить исторію русской революціи и перевести Россію на новыя рельсы мирнаго строительства. К сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала этих прогнозов. И новый спазм военного коммунизма нашел свое отраженіе лишь в упомянутом послѣсловіи. Оно полно смертельнымъ тревоги за Россію, у которой разрушаются самыя основы ея существованія.

Всякій, знающій условія изданія книг в эмиграціи, не посмѣет обвинить автора за то, что он под влияніем новых впечатлѣній не перестроил всей книги. И если я поднимаю этот вопрос, то только потому, что он особенно ярко освѣщает основныя точки зрѣнія автора.

Передумывая с точки зрѣнія этого послѣсловія основныя построенія автора, невольно замѣчаешь острые углы славянофильской догматики, и сѣтуешь на то, что они разрывают и искажают живую ткань историческаго процесса.

Князь Сергѣй Трубецкой в 1904 году просил Николая II быть царем не дворян и не крестьян, но всяя Руси. Перефразировка этой просьбы должна особенно остро звучать в ушах русскаго историка, ибо русское государство строилось совокупными усиліями всѣх слоев своего населенія, и среди них русское крестьянство никогда не играло и не могло играть руководящей роли. И самое представленіе, что русское крестьянство сначала породило, а потом кормило всѣ другія слои населенія, невѣрно.

Русская исторія одна из самых трагическихъ и противорѣчивыхъ. Ея не понять с точки зрѣнія примитивнаго эволюціонизма. Ея основною особенностью является то, что она начинается с великодержав-

вія, а не вносить его, как продукт долгаго историческаго развитія. Великодержавіе являється условіем существованія русскаго государства, и оно ложится тяжким бременем и душит экономически слабое населеніе и природой обнаженную страну.

Кажется, что можно цифрами показать, что коэффициент нагрузки русскаго населенія за время его многострадальной исторіи не только всегда превышал его фактическія возможности, но и был объективно больше, чѣм в какой-либо иной странѣ. Это и приводило к тому, что истощенная страна періодически падала под тяжестью невыносимой ноши, и фактически не имѣла ни времени, ни передышки, чтобы привести в соотвѣтствіе свои ресурсы с тѣм, что от нея объективно требовалось. В Россіи никогда не была возможна разумно реальная политика и, быть может, знаменитое «авось и имѣет в этом свѣдѣ глубочайшее основаніе. Послѣ исчезновенія большевиков разоренная страна с таким же трудом будет возстанавливать и поддерживать свою великодержавность, как и за все время своей исторіи. Раздѣлять при этом оптимизм особеннаго построенія автора — трудно, и скорѣе хочешь присоедииниться — хотя и по другим основаніям — к крику отчаянія его послѣсловія, смягчаемому призывом: «Будем вѣрнѣе в Россію, иначе стоит ли жить?».

В критикѣ, как это и естественно, оспариваемое выдѣляется ярче, чѣм хвалимое. Но читатель должен почувствовать и за возраженіями основное стремленіе критика: отмѣтить книгу Г. Федотова, как выдающееся явленіе эмигрантской литературы.

С. И. Штейн.